

Царьграда латинянами, которая внесена в Новгородскую летопись. Как показал М. Н. Сперанский, южнославянский список этого произведения целиком взят из Еллинского летописца. Имя императора Андроника (II) в записи с хронологическими данными о продолжительности существования Латинской империи внушает предположение, что указанный факт выборки Сказания из Еллинского летописца выполнен при этом императоре, который как тесть короля Милутина был популярен у сербов: Андроника II цитируют многие сербские записи и другие памятники первой четверти XIV в. Указывая на отдельные данные, позволяющие предполагать первоначальный болгарский оригинал сохранившегося сербского текста, М. Н. Сперанский допускал возможность перехода Сказания в Сербию через Болгарию. Имея в виду возможность появления болгаризмов лишь в ресавском списке произведения и упомянутый факт живых культурных связей между Болгарией и Сербией в XIII и XIV вв., можем с полным правом отстаивать вероятность сербского происхождения Сказания, может быть именно в рамках русско-сербских царьградских связей.¹⁹³

Приведенный факт из области русско-южнославянских литературных связей, который, по-видимому, относится к XIV в., вероятно к первой его четверти, свидетельствует, что культурные сношения Руси с балканскими славянами продолжали развиваться и в самое тяжелое время татарского ига. В списке произведений переводной литературы, перешедших на Русь через посредство южных славян, приведенном в труде А. И. Соболевского о южнославянском влиянии на русскую письменность в XIV—XV вв.,¹⁹⁴ перечислено большое число сочинений, встречающихся в русских списках XIV в., очевидно пришедших на Русь до Киприана. Характерно, что среди них самое видное место занимают произведения аскетической литературы. Нужно подчеркнуть, что на ряде этих переводов имеются записи переводчиков сербов; ряд других находит свои параллели в древнейших сербских списках, не носящих следов болгарского влияния. К таким, например, относится Стишной пролог, известный в сербских списках середины XIV в., очевидно представляющий плод сербской переводческой работы.

Литературные связи того времени выявляются именно в плане взаимовлияний в обстановке общих религиозно-философских воззрений и однородных художественных интересов на почве всего православного славянского мира. Это вполне совпадает с мыслью Д. С. Лихачева, что «эти влияния и взаимовлияния осуществлялись широким фронтом в самых различных областях культуры» и что это — «явление единого умственного движения, достаточно мощного, чтобы охватить разные страны, и достаточно глубокого, чтобы сказаться одновременно в литературе, письмен-

¹⁹³ М. Н. Сперанский. 1) Югославянские и русские тексты «Сказания о построении храма Софии царьградской». Сборник в чест на В. Н. Златарски. София, 1925, стр. 413—422; 2) Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 64—67; в этой ценной работе рассматриваются и другие памятники, перешедшие из Руси на Балканы в данный период: Толкования Никиты Ираклийского на сочинения Григория Богослова, апокрифическое житие Моисея, Историческая Палея, группа эсхатологических легенд, житие Андрея Юродивого и некоторые чудеса св. Николы.

¹⁹⁴ А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. — В кн.: Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — ОРЯС, т. 74, № 1. СПб., 1903, стр. 1—37; ср.: Б. Ангелов. 1) Из историята на руското културно влияние в България, XV—XVIII в. — Известия на Институт за Българска история, т. VI. София, 1956, стр. 291—325; 2) Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958 (здесь приведены новые данные из области русско-южнославянских литературных связей); (И. Снегаров. Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV в.). София, 1950.)